

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

А.Н. Радищев

Беседа о том,
что есть сын Отечества

11 – 16

Б. Вульф

Подготовка кадров
для организации
и проведения
воспитательной работы...

17 – 34

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

А.Н. РАДИЩЕВ

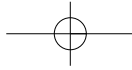
Не все, рождённые в Отечестве, достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). — Под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем. — Пудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге. — Вступи и виждь! — Кому не известно, что имя сына Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно что человек — существо свободное, велику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познаёт он и избирает посредством разума постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. — Всё сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, извлеченным от божественных и естественных гражданским, или общежительным. — Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына Отечества? — Он не человек, но что? он ниже скота; ибо

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

и скот следует своим законам, и не примечено ещё в нём удаления от оных. Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилie лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определённой работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осуждённой на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное своё состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, впрочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мёртвые тела, погребенные одно подле другого; работают необходимое для человека от страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание наказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук? — Не о сих здесь слово; они не суть члены Государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимые Мучителем машины, мёртвые трупы, тяглый скот! — Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества! — Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в объятиях ли неги и любострастия? — Не объятый пламенем гордости, любоначалия, насилия? — Не зарытый ли в скверноприбыточестве, зависти, зловождедении, вражде и раздоре со всеми, даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют, и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства? — Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает день свой) весь город, все улицы, все дома, для бессмысленнейшего пустоглаголия, для оболъщения целомудрия, для заражения благонравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови вместилищем саж, щеки коробками белил и сурика, или лучше сказать живописною палитрою, кожу тела своего вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своём убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом, из уст и всего тела его происходящим, задушается целою аптекою благовонных опрыскиваний, — словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольской большого света науки; — он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои; переодевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко, — он щеголь. — Не сей ли есть сын Отечества? — или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилieм, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, — словом, всеми, одному ему известными, средствами раздражающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? — потоки слёз, реки крови не токмо не

А . Н . Р А Д И Щ Е В

Б Е С Е Д А О Т О М , Ч Т О Е С Т Ъ С Ы Н О Т Е Ч Е С Т В А

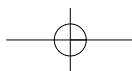

трогают, но услаждают его душу. — Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! сей ли есть сын Отечества? — Или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого Отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостью, ежели открывается ему случай к новому приобретению; пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей; всё сие не поколеблет его сердца; всё сие для него не значит ничего; — он умножает своё имение, а сего и довольно. — Итак, не сему ли принадлежит имя сына Отечества? — Или не тот ли, сидящий за исполненным произведениями всех четырёх стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель, и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими? Итак, конечно, сей, или же который-нибудь из вышесказанных четырёх? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдём). Смесь сих четырёх везде видна, но ещё не виден сын Отечества, ежели он не в числе сих! — Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человеков, не согласен наименовать вычисленных людей сынами Отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд (не на себя, ибо они себя не находят такими); но на подобных себе и приговорят исключить таковых из числа сынов Отечества; поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплён собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел.

Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя унижаема, поносима, порабощаема насилием, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием, и не обретая нигде утешения своего. — Не доказывает ли сие, что он любит Честь, без которой он, как без души. Не нужно здесь изъяснять, что сия есть истинная честь; ибо ложная, вместо избавления, покоряет всему вышесказанному, и никогда не успокоит сердца человеческого. — Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предупреждений к тихому её, чести то есть, свету. — Нет ни одного из смертных толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению Чести. Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим, всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе: как бы ни силился ласкатель Александра Македонского, Аристотель, доказывать себе противное, утверждая, что сама природа расположила уже род смертных так, что одна и при том гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии, и следовательно, не чувствовать, что есть Честь? а другая в господственном, потому что немногие имеют благородные и величественные чувствования. — Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена в мрачность варварства, зверства и рабства; но сие

13

Концепции
и системы
[35 — 70]

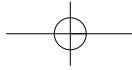

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

ни мало не доказывает, что человек не рождён с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя, и следовательно, к люблению истинной славы и Чести. Причиною тому или род провождаемой жизни, или обстоятельства, в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающий оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тяжчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного. — Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчинённости.

О, ежели б вы проникли в цепь всея природы, сколько вы можете, а можете много, то другие бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчинённость. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ***, извлекающих у чувствительных сердец слёзы сострадания, и при которых истинный Друг человечества содрогается. — Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? Поистине она лишлась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком рождается оная пламенная любовь к снисканию Чести и похвалы у других. — Сие происходит из врождённого человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувствование толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ, посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшего существа, свидетельствуемая услаждением совести; и заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадёжным в средствах сохранения и совершенствования самого себя. — И если сие так, то кто сомневается, что сильная оная любовь к Чести и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностью и похвалою от других есть величайшее и надёжнейшее средство, без которого человеческое благосостояние и совершенствование быть не может? — Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои неизбежны на пути, ведущем к достижению блаженного покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои? — Какое есть средство к избавлению от страха пасть на веки под ужаснейшим бременем оных? ежели отъять, во первых, исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему существу, не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а потом к подобным себе, с которыми соединила нас природа, ради взаимной помощи, и которые внутренне преклоняются к готовности оказывать оную и, при всём заглушении сего внутреннего гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя, кто посеял в человеке чувствование сие искать прибежища? — Врождённое чувствование зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство. — И что, наконец, побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами, и к заботе нравиться им? — Поистине не что иное, как врождённое пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратий своей, желание учиниться достойным их благосклонно-

А . Н . РАДИЩЕВ

Б Е С Е Д А О Т О М , Ч Т О Е С Т Ъ С Ы Н О Т Е Ч Е С Т В А

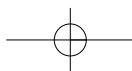
сти и покровительства. — Рассматривающий деяния человеческие увидит, что сё одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений! — и сё начало того побуждения к люблению Чести, которое посеяно в человеке при начале сотворения его! сё причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро изливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостью при воззрении его, похвалами, восклицаниями. — Сё предмет, к коему стремятся истинные человеки и где обретают истинное своё удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом Честлюбив.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, Монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних; ибо единую любовь приобретается любовь; должно исполнять звание своё так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии, почести, превозношении и славе, которая есть сопутница, или паче, тень, всегда следующая за добродетелию, освещаемою не вечерним солнцем правды; ибо те, которые гоняются за славою и похвалою, не только не приобретают Для себя оных от других, но паче лишаются.

Истинный человек есть истинный исполнитель всех предуставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным. — Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования, слова и деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому, что порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении Отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови государственного тела. — Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонаравия и тем отнять у Отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оною; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовью к целости и спокойствию своих соотечичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сём благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, не утомимо бдит над сохранением честности, подаёт благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесёт крепость и славу Отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью; если же она нужна для Отечества, то сохраняет её для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает всё, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства и совершенствования соотечественников своих. Словом, он благонаравен! Вот другой верный знак сына Отечества! Третий же и, как кажется, последний отличительный знак сына Отечества, когда он благороден. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто сияет в обществе разумом и добродетелию и, будучи воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинувшись законам и

15

Концепции
и системы
[35 — 70]

Источник:

Радищев А.Н.
Полн. собр. соч.
М.; Л.; 1938. Т. I.
С. 213-224.

блюстителем оных, предержавшим властям, как всего себя, так и всё, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения соотчичей и государя своего, который есть отец народа, ничего не щадя для блага Отечества. Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени Отечества, и который не иначе чувствует при том воспоминании (которое в нём непрестанно) как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его чести. Он не жертвует благом Отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательные, в глаза его; всем жертвует для блага оногo; верховная его награда состоит в добродетели, то есть в той внутренней стройности всех наклонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце, и которой в её тишине и удовольствии ничто в свете уподобиться не может. Ибо истинное благородство есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам Естества и Народоуправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвященной древности, так и нынче почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына Отечества!

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына Отечества, и хотя всяк сроден иметь оные, но не могут однакож не быть нечисты, смешаны, темны, запутаны, без надлежащего воспитания и просвещения Науками и Знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления и наводняет целые государства злочестиями, беспокойствами, раздорами и неустройством. Ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические. — Почему прежде, нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви Отечества, к желанию подражать великим в том примерам, також к любви к наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общезнанию звание; применился бы к упражнению в истории и философии или любомудрии; не школьном, для словопрения единственно обращённом, но в истинном, обучающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса, возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изявiania, архитектуры или зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такого точно воспитания, и на сих правилах основанного, введён богомудрыми монархами, и просвещённая Европа с изумлением видит успехи оногo, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!